

УДК 9(с) (с17)

ДЕЛОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ УРАЛЬСКОГО ДОРЕФОРМЕННОГО КУПЕЧЕСТВА

© 2011 Е.В. Банникова

Оренбургский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 08.11.2010

Исследуются вопросы каждодневных обстоятельств работы, мотивации труда, профессиональных взаимоотношений предпринимателей и их взаимодействий с представителями администрации. Выделяются общие и специфические черты, характерные для купечества трех губерний Урала – Вятской, Пермской и Оренбургской.

Ключевые слова: история повседневности, предпринимательство, дореформенный Урал, промышленность, торговля, купечество.

История повседневности – сравнительно новая для отечественной исторической науки сфера интересов. В центре ее внимания находится комплексное исследование изо дня в день повторяющегося, обычного, формирующего стиль и образ жизни представителей разных социальных слоев. При этом в рамках реконструкции повседневности дискуссионным становится вопрос, может ли она быть трудовой, рабочей, производственной. Большинство отечественных исследователей подразумевают под «повседневностью» главным образом сферу частной жизни, и только некоторые включают в сферу анализа и жизнь деловую, те модели поведения и отношения, которые возникают на рабочем месте. В то же время, помимо обращения к материально-вещественной стороне повседневности, исследователи начинают предпринимать попытки истолкования бытового поведения исходя из норм и ценностей изучаемой субкультуры, пытаются понять общественную позицию ее носителя.¹ В этом плане исследование повседневной профессиональной деятельности отечественных купцов может существенно расширить представления о системе ценностей данной социальной группы и, исходя из этого, специфику участия купечества в процессе эволюции общественного, экономического и государственного строя России.

Обращаясь к обстоятельствам профессиональной деятельности купечества трех уральских губерний – Вятской, Пермской и Оренбургской необходимо отметить, что его предпринимательская активность здесь осуществлялась в довольно специфических условиях. Эти губернии, значительно удаленные от центральных районов страны, были слабозаселенными (Оренбургская губерния считалась 43-й в России по плотности населения, Пермская губерния – 42-й,

а Вятская – 37-й),² но при этом обладали мощными природными ресурсами. Оренбургская губерния при этом являлась пограничной с азиатскими странами, что также было важным геополитическим фактором, обуславливающим специфику регионального предпринимательства.

Купечество Урала было относительно малочисленным сословием. В 1849 г. в Вятской губернии было объявлено 470 капиталов, в Пермской – 455, в Оренбургской – 681. При этом количество объявленных капиталов в любой из уральских губерний значительно отставало от среднероссийских показателей. Так, в том же 1849 г. среднее количество купеческих капиталов, приходящееся на губернию, по России составило 867.³ Даже в конце XIX века процент купцов от общего числа населения составлял в Вятской губернии 0,3%, а в Пермской губернии – 0,16%.⁴ Купцов, которые обладали бы значительными капиталами, было мало. Основную массу предпринимателей (в большинстве городов Урала – 100% от числа гильдейцев) составляли купцы 3-й гильдии, в основном – выходцы из крестьянской среды, занимающиеся преимущественно мелкой розничной торговлей. При этом среди третьегильдейцев наблюдалась колоссальная «текучка кадров», связанная с коммерческими рисками, при которой купеческая династия лишь в редких случаях сохраняла свой сословный статус на протяжении нескольких лет. Небольшое число лиц, объявляющих свои капиталы, обуславливало отсутствие жесткой конкуренции и довольно высокую коммерческую прибыль. Указанные обстоятельства во многом препятствовали возникновению возможных внутрисословных конфликтов. К тому же в ситуации, когда в сферу предпринимательства начали активно вторгаться представители других сословий (крестьяне, казаки, мещане, дворяне и пр.), сословная консолидация становилась необходимым условием реализации профессиональных интересов.

*Банникова Елена Владимовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России.
E-mail: ida777@yandex.ru*

Так, например, в обращении оренбургских купцов к губернатору за 1809 г. содержалось требование «воспретить производство в Оренбурге всякой промышленности находящимся здесь иногородним купцам и другого звания людям, не причисленным к сословию просителей». Кроме того, торговцы просили, чтобы не записавшиеся в местное купечество иногородцы не имели права пользоваться выгодами, «присвоенными в торговле одному купечеству».⁵

В то же время среди уральских купцов были противоречия, имеющие внекоммерческие основы. Таковыми могли являться, например, конфессиональные различия. В Пермской губернии купцы большей частью принадлежали к старообрядческим либо традиционным православным общинам. К примеру, из 20 купеческих капиталов первых двух гильдий в 1836 г. в Екатеринбург к 1-й гильдии принадлежали одна единоверческая семья и две старообрядческие, ко 2-й гильдии – одно православное купеческое семейство, одно единоверческое и, соответственно 15 старообрядческих.⁶ Купцы-старообрядцы, образующие в регионе мощные общинные структуры, имели возможность объединять капиталы, создавать собственные транспортные сети, активно внедряться в различные предпринимательские сферы. В статье В.В. Керова были подробно исследованы специфические черты деловой культуры старообрядцев. По его мнению, в первой половине XIX в. завершилось формирование староверческой духовной концепции «Дела как основы христианского подвига».⁷ Ради «Дела», под которым понималась любая профессиональная деятельность, в том числе предпринимательская, можно было даже отступить от предписываемых верой норм повседневной жизни и допустить в нее технико-технологические «новшества», наладить дела с «неверными». При этом прибыль делилась на всех – на общину. Труд вообще предназначался для нужд общины. Только при этом он имел божественную санкцию.⁸

В Оренбургской губернии наиболее многочисленными были мусульманское и христианское общества. Заниматься торговлей мусульман подталкивало не только ожидание упрочения собственного социального статуса. Сами нормы ислама способствовали их занятиям какими-либо коммерческими операциями: прибыль допускалась; право на собственность, если ею управляли правильно, находилось под защитой; индивидууму разрешалось рисковать и инвестировать. Коран поощрял верующего на поиски успеха в материальном мире и предписывал рассматривать экономический успех как дар Аллаха. При этом в целях ограничения богатства и установления справедливого порядка распределения обще-

ственного продукта исламом предусматривались обязательные сборы и налоги (закят, джизья) в пользу малоимущих и общины в целом, а также те, выплата которых была оставлена на усмотрение владельца собственности (инфак). Исламская община, как и старообрядческая, являлась условием, стимулирующим своих членов к занятиям предпринимательством и оберегающим от превратностей коммерческой деятельности.

Можно согласиться с А.И. Османовым, который утверждает, что в дореформенный период «устойчивость купеческих предприятий (промышленных и торговых) скорее зависела не от благоприятной рыночной конъюнктуры и поддержки властей, а от личных способностей предпринимателей, крепких семейно-родственных отношений в их среде, широких общественных и деловых связей».⁹ В указанной ситуации роль религиозной общины (староверческой или мусульманской) многократно возрастала, превращая ее из общности культурно-идеологической в самостоятельную финансово-хозяйственную единицу. При этом на базе православной морали формировалось преимущественно негативное отношение к предпринимательству, характерное для большинства российских обывателей. «Стремление к развитию производства и творческая инициатива в этой области, – подчеркивал С.Н. Булгаков, – слишком часто у нас рассматриваются исключительно под углом зрения классового бентамизма, как «буржуизм», стремления к наживе. Этот предрассудок имеет реальные дурные последствия, поскольку господство в общественном мнении подобных оценок морально загоняет в угол представителей промышленности, их деморализует, деградируя их в общественном мнении, осуждая в кредит, тем самым как бы наперед снимает моральную ответственность с руководителей промышленности, подвергает их морально-общественному бойкоту».¹⁰ В итоге православное купечество нередко проигрывало купцам-иноверцам на коммерческом поприще, уступая последним более выгодные сферы коммерции (например, золотодобычу или торговлю со странами Азии).

В общеимперском масштабе экономическая ситуация первой половины XIX в. разворачивалась в русле конфликта интересов протекционистской и фритредерской доктрин, вызванного сложной для России внешнеполитической ситуацией. Российское купечество совершенно справедливо являлось сторонником протекционистского курса, предполагавшего многовариантную государственную поддержку отечественных предпринимателей. Так, например, вятское купечество сосредоточило свои усилия на казенных поставках продовольствия (в частности, хле-

ба) к Архангельскому порту. В 1804 г. обладателем подряда на поставку продовольствия в Архангельские и Новодвинские «магазинны» стал вятский купец Степан Яковлевич Машковцев, за что получил третью часть причитавшейся ему за подряд суммы.¹¹ В 1845 г. Анной Александровной Машковцевой (супругой сына Степана Яковлевича) к Архангельскому порту была отправлена крупная партия муки и овса.¹² Купцы-первогильдейцы Машковцевы принимали участие в поставке продовольствия не только из Вятского края, но и из других регионов. В 1799 г. Степан Яковлевич выполнял подряд по доставке хлеба «с камских и волгских пристаней в Санкт-Петербургские магазинны», а также «город Рыбный», и «за проявленное усердие к соблюдению казенных интересов» получил по павловскому указу 1800 г. чин надворного советника (VII класса).¹³ Обширную торговлю с Архангельским портом вели вятские купцы Аршауловы, Репины, Рязанцевы, Прозоровы, Синцовы, Щергины, Булычевы, Анфилатов, Косаревы, Платуновы, Гусев и другие.¹⁴ Казенные поставки позволяли купцам не беспокоиться о прибыльности производимых торговых операций и гарантировали стабильный доход.

В качестве ответного хода купцы выражали лояльное отношение к государству, его представителям и проводимой ими политике, являлись проводниками традиционных, консервативных идей. Именно купцы нередко становились организаторами мероприятий, связанных с путешествиями царствующих особ. В ходе таких контактов подкреплялись монархические установки общественного сознания сословия. Однако предприниматели использовали эти встречи и в практических целях. Участвуя в них, купцы имели возможность проявить приверженность существующему общественному устройству, выразив ее в материальной форме, а также выразить надежды на благоприятный для сословия курс в социальной политике властей. Расходы на организацию соответствующих мероприятий, празднеств и торжеств, как правило, брало на себя купеческое общество. Так, осенью 1824 г. императора Александра I, путешествовавшего по России, в Екатеринбурге встречали в домах купцов Рязанова и Расторгуева.¹⁵ В октябре 1824 г. путешествовавшего императора встречала Вятка. Местное купечество устроило бал в доме городского головы И.С. Машковцева.¹⁶ На балу государь побеседовал о торговых делах с наиболее заметными вятскими купцами – П. Аршауловым, И. Колошиным, Е. Хохряковым.¹⁷

При этом власти, преследуя свои политические цели, могли в отдельных случаях игнорировать потребности купечества. Так, во второй по-

ловине 1830-х гг. отечественные купцы стали обращаться к властям с требованием уравнивания прав российских и азиатских торговцев в Бухаре и запрещения азиатским купцам ездить на внутренние российские ярмарки. В ответе правительства в отношении последней просьбы было указано, что «подобная мера нанесет удар по дальнейшему развитию торговли с азиатскими странами: приведет к монополизации крупными российскими купцами всей торговли, а обложение среднеазиатских купцов дополнительными пошлинами вызовет рост цен на товары». В итоге данное требование было отклонено. Об уравнивании же в правах русских и бухарских купцов правительство советовало на время забыть, поскольку власти Бухары не желали «идти на уступки, а правящие круги России в начале XIX в. исключали возможность применения военной силы к Хиве и Бухаре, пытаясь воздействовать на азиатских правителей дипломатическими средствами».¹⁸ В результате отечественные коммерсанты постоянно ощущали нестабильность своего положения, собственную экономическую и социальную неполноценность. Следствием этого становился скрытый конфликт купцов с официальными властями. По словам А.И. Герцена, в Сибири «чиновник и офицер, представители власти, скорее похожи на неприятельский гарнизон, поставленный победителем, чем на аристократию. ... деньги спасают купцов, которые ... презирают чиновников и, наружно уступая им, принимают их за то, что они есть – за своих приказчиков по гражданским делам».¹⁹ То же можно было сказать и об Урале.

Противоречия с официальной властью могли также обуславливать и склонность предпринимателей к разного рода девиациям. Ведущим мотивом профессиональной деятельности становилось исключительно получение личной выгоды и максимальной прибыли, даже если это было сопряжено с нарушением закона. В условиях, когда над каждым негодяном постоянно нависала опасность банкротства, насущной потребностью было сохранение и приумножение любой ценой семейного капитала. Максимальное обогащение за короткий срок – эта задача буквально подталкивала торговцев к различным преступлениям. Кроме того, негативные проявления в профессиональной деятельности могли быть обусловлены в значительной мере инертностью мышления, неумением разнообразить и совершенствовать свое «дело», недостаточностью теоретической подготовки. С другой стороны, к отклонениям в поведении купцов могли вести и противоречивость их социального статуса, и отсутствие сословного единства, и наличие крупных свободных капиталов, и различные внешние факторы.

К примеру, заинтересованное в экономических и политических контактах со странами Азии российское правительство предоставляло оренбургским торговцам широкий спектр различных привилегий, стимулируя их предпринимательскую активность во внешнеторговой сфере.²⁰ Однако воспользоваться данными льготами купцам удавалось не всегда. Препятствием могли служить как неблагоприятные условия торговли на территории азиатских государств, так и отсутствие крупных капиталов. В результате «азиатский торг» в основном сосредоточился в руках купцов-мусульман, имеющих преимущества единоверцев при осуществлении торговых операций в Хиве, Бухаре или Коканде. В 1830 г. купцов, торгующих с Азией, в Оренбургской губернии значилось пятеро: в Троицке – купцы второй гильдии А. Абдулгагапов и А. Абубакиров, в Оренбурге – купец второй гильдии Ф. Пичугин и купцы третьей гильдии П. Веснин и М. Деев.²¹ «Оренбургские губернские ведомости» сообщали, что в 1843 г. «азиатским торгом» в Оренбурге преимущественно занимались купцы Деев, два брата Путоловых, Дюков и два брата Кривцовых.²² Но, как правило, имена предпринимателей-христиан тут же упоминались в связи с какими-либо крупными аферами, скандалами, преступлениями.²³ Власти, получавшие от «азиатского торга» значительные налоговые поступления, старались спустить на тормозах возникающие конфликты предпринимателей с правосудием, поощряли гильдейцев орденами и званиями, что еще более укрепляло купцов в мыслях как о неизбежности греха для торговца, так и о том, что именно этой греховности (фактически являющейся синонимом коммерческой успешности) от него и ждут.

Наиболее часто встречающимися нарушениями среди купцов-владельцев горнорудных промышленных предприятий было самовольное занятие или использование земель, а также нарушение прав рабочих. Ограниченные в возможности приобретения земель в собственность купцы вынуждены были и здесь идти на нарушения закона. Так, Шильвинский завод А.М. Подъячева требовал больше древесного угля и топлива, чем могла дать узкая полоска леса, принадлежащая предпринимателю, в связи с чем Подъячев умудрялся воровать лес из соседних казенных дач. Осуществлял Подъячев махинации и с поставкой руды.²⁴ В 1847 г., 1850 г., а затем в 1859 г. работники Шильвинского завода оказали неповиновение своим хозяевам, что «произошло, кроме других причин, и от излишнего отягощения мужчин и женщин работами».²⁵ Усиленная эксплуатация была обусловлена все тем же недостаточным обеспечением предприятия сырьем –

рудой и лесом. Деятельность Шильвинского завода не приносила его владельцу ощутимой прибыли. Например, в 1858 г. было выплавлено 1000 пудов меди. Из них 150 пудов было удержано в казну. За оставшиеся 850 пудов заводчик мог выручить примерно 9350 рублей. Из них подлежало сделать еще немало выплат: 366 руб. – горные и подушные подати, 5 тыс. рублей – затраты на обеспечение рабочих продовольствием, 2 тыс. руб. – на оплату их труда в течение года. Необходимы были средства на приобретение и ремонт оборудования и инструментов, содержание администрации. Так что в итоге собственно заводчику оставалось не так уж много. Чтобы как-то поправить свое положение, Н.Н. Подъячев вынужден был усиливать эксплуатацию своих рабочих и нарушать Горный Устав. Сам заводоходец оправдывался тем, что в течение 30 лет он пытался наладить производство, неустанно заботился о благе своих рабочих, истратил на это все родовое состояние и пришел в совершеннейшее разорение. Действительно, за Подъячевым был огромный долг казне и частным людям – почти 180 тыс. рублей. Пытаясь хоть как-то выкрутиться, он то предлагал передать завод государству, то искал возможности продать его.²⁶

В связи с тем, что в первой половине XIX в. уральское купечество активно включилось в процесс поиска и разработки месторождений золота, на Урале повсеместный характер приобрели правонарушения, связанные с незаконным оборотом золота. Московский купец третьей гильдии Егор Хомушников в 1826 г. в ходе следствия сознался в тайной торговле похищенным с уральских приисков золотом. Среди людей, продававших Хомушникову золото, были названы челябинские купцы Герасим Михайлович и Иван Михайлович Зобнины и купеческий 2-й гильдии сын Василий Максимов Ахматов, который в 1824 г. был прислан с золотом в Москву от своего отца – купца 1-й гильдии Максима Сидоровича Ахматова.²⁷ В первой четверти XIX века вятские купцы Ушковы, по слухам, привозили с уральских золотых приисков краденое золото, заделывая его в полозья саней, и сбывали его в Москве и Питере, куда ездили за товарами.²⁸ Заниматься золотодобычей в рамках закона предпринимателям мешал ряд обстоятельств. Одним из них становилось быстрое оскудение большинства золотых приисков. Другими факторами, сдерживающими развитие золотопромышленности, были: 1) сословные ограничения; 2) сложность получения разрешения на золотодобычу, необходимость договариваться с владельцами земельных участков, медленность заключения условий на проведение работ; 3) высокий размер податей; 4) долгосрочная система расчетов госу-

дарства с промышленниками за добытое золото; 5) взятие предпринимателями в аренду большого количества приисков, нежели можно было реально обработать, вследствие чего работы велись на минимальных оборотах; 6) побеги рабочих с приисков, в том числе и из-за плохого с ними обращения.²⁹

Следует заметить, что В. Зомбарт писал о предпринимателях как о той пилотной социальной группе, для жизнедеятельности которой характерны динамизм, социальные инновации, «непреднамеренные социальные изобретения», распространявшиеся на общество в целом и формировавшие общество индустриальной современности.³⁰

Для российских же купцов характерны были прямо противоположные качества – политическая и социальная пассивность, склонность к традиционному укладу, консерватизм мышления. Встать на путь модернизации по западноевропейскому образцу российские и, в частности, уральские купцы не могли. Причины крылись прежде всего в особых отношениях, которые складывались между отечественными предпринимателями и государственными структурами, дельцами и обществом.

Российский рынок по причине своей неразвитости был подвержен различным кризисам. Власти откровенно использовали купцов в своих экономических и политических интересах, меняя свое отношение к торговцам при изменении политического курса. Общество в основной своей массе отторгало предпринимателей, видя в них прежде всего людей, стремящихся к наживе, что противоречило нормам православного христианства. Общность интересов в самой купеческой среде осознавалась преимущественно на уровне этническом или конфессиональном, но не на корпоративном, чему в значительной степени способствовала постоянная ротация членов купеческого общества. Таким образом, основным обстоятельством, в котором купцам приходилось вести дела, становилась нестабильность. Усугублять эту внешнюю нестабильность какими-либо попытками модернизации собственного бизнеса основная масса купцов не отваживалась.

При этом основной профессиональной задачей становилось получение прибыли ради сохранения сословного статуса, что являлось мощным мотивационным фактором. Получить ее в максимальном размере и в минимально короткий срок можно было, лишь переступив через нормы морали и права. Отдаленность уральских губерний только способствовала этим беззакониям. Укреплению позиций предпринимателей несколько способствовало их объединение в религиозные общины (старообрядческие, му-

сульманские), которые выполняли функции своеобразных стабилизационных фондов в постоянно возникающих кризисных ситуациях. Купцы – приверженцы традиционного православия – оказывались в данной ситуации в менее выгодном положении.

Публикация подготовлена при поддержке Министерства образования Оренбургской области в рамках целевой программы «Развитие научно-технической и инновационной деятельности в Оренбургской области на 2006-2010 гг.».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 670 с.; *Кром М.М.* Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) // История повседневности: Сборник научных работ / Отв. ред. М.М. Кром. СПб., 2003. С. 7-14.

² *Арсеньев К.* Статистические очерки России. СПб.: Тип. Император. АН, 1848. С.156-157.

³ *Яровой Г.В.* Рынок и товарное обращение на Урале в дореформенный период // Вопросы аграрной истории Урала. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1975. С.43.

⁴ Электронная версия Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Статьи «Вятская губерния», «Пермская губерния».

⁵ ГАОО. Ф.6. Оп.3. Д.2708. Л.1-3.

⁶ Главы городского самоуправления Екатеринбург: Исторические очерки / Под общ. ред. Е.С. Тулисова. 2-е изд., доп. Екатеринбург: «ИД СОКРАТ», 2008. С.102-103.

⁷ *Керов В.В.* Социокультурные факторы формирования деловой культуры старообрядцев (XVIII-XIX века) // История предпринимательства в России: XIX – начало XX века. Вып.2. Сб. статей / Под ред. А.Л. Дмитриева, А.А. Семенова. СПб.: Издат. дом С.-Петербургского гос. ун-та, 2006. С.81.

⁸ *Атаманова Л.К.* Труд в понимании старообрядчества / Научные труды МПГУ. Серия: Социально-исторические науки. Сб. статей. М.: Прометей, 2003. С.42.

⁹ *Османов А.И.* Петербургские промышленники во второй четверти XIX в.: семейное дело В.Г. Жукова // Фирмы, общество и государство в истории российского предпринимательства. Мат-лы междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2006. С.141.

¹⁰ *Булгаков С.Н.* Народное хозяйство и религиозная личность // Два града: Исследование о природе общественных идеалов. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1911. С.123-124.

¹¹ Купечество вятское: из истории торговли, предпринимательства и благотворительности / Ред.-сост. М. Судовилов, Т. Николаева. Киров-Вятка: Кировская обл. тип., 1999. С.21.

¹² Купечество вятское ... С.25.

¹³ Купечество вятское ... С.21.

¹⁴ *Клетиков К.И.* Я.А. Прозоров // Сборник статей вятского старожила. Вятка: Тип. и хромолитогр. Маншеева, 1899. С.15.

¹⁵ О пребывании Г.И. Александра I на Екатеринбургских заводах 1824 года // Благонамеренный. Журнал словесности и нравов, издаваемый А. Измайловым. 1825. Часть 29. №6. С.214-217.

- ¹⁶ *Миненко Н.А., Анкаримова Е.Ю., Голикова С.В.* Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 2006. С.136.
- ¹⁷ *Белик А.А.* Культура повседневности провинциального купечества конца XVIII – первой половины XIX вв. Дис. ... канд. культурологических наук. Киров, 2005. С.91-92.
- ¹⁸ *Солонченко Е.А.* Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752-1868 гг. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. С.71.
- ¹⁹ *Герцен А.И.* Былое и думы. М.: ГИХЛ, 1958. С.257.
- ²⁰ *Банникова Е.В.* Дореформенное купечество Южного Урала: повседневная жизнь в городской среде. Оренбург: Изд-во ГУ «РЦРО», 2009. С.54-58.
- ²¹ РГИА. Ф.19. Оп.4. Д.197. Л.68.
- ²² Оренбургские губернские ведомости. 1844. №41. Прибавление.
- ²³ *Десятков Г.М.* Легенды старого Оренбурга. Калуга: Золотая аллея, 1994. С.97; *Захарьин (Якунин) И.Н.* Хива. «Зимний поход в Хиву Перовского» в 1839 году и «Первое посольство в Хиву» в 1842 году. СПб., 1898. С.107.
- ²⁴ *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Из истории южноуральских горных заводов XVIII-XIX веков. Ч.2. Уфа: Китап, 1993. С.398, 399.
- ²⁵ Цит. по: *Гудков, Г.Ф., Гудкова З.И.* Указ. соч. С.400.
- ²⁶ *Ермаков В.В.* Челнинская история. Гл.12 / В.В. Ермаков // Информационно-развлекательный портал Набережные Челны [Электронный ресурс]. URL: http://www.kam.ru/history_ermakov_102.
- ²⁷ ГАОО. Ф.6. Оп.4. Д.9002. ЛЛ.1-1 об.; РГИА. Ф.18. Оп.4. Д.163. Л.12.
- ²⁸ *Белик А.А.* Указ. соч. С.45.
- ²⁹ *Вишнев И.И.* Становление и развитие золотопромышленности на Южном Урале в XIX веке. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. С.95-115.
- ³⁰ *Зомарт В.* Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994. С.17-18.

EVERYDAY BUSINESS LIFE OF THE PRE-REFORM URAL MERCHANTRY

© 2011 E.V. Bannikova

Orenburg State Pedagogical University

The following aspects are dwelt upon in the article: conditions of everyday business activities, labour motivation and professional relations among entrepreneurs and their interaction with local administration. Some common and specific features characteristic for the merchantry of three Ural provinces (Vyatka, Perm, Orenburg) are described in the article.

Key words: history of everyday life, free enterprise, pre-reform Ural, industry, trade, merchantry.